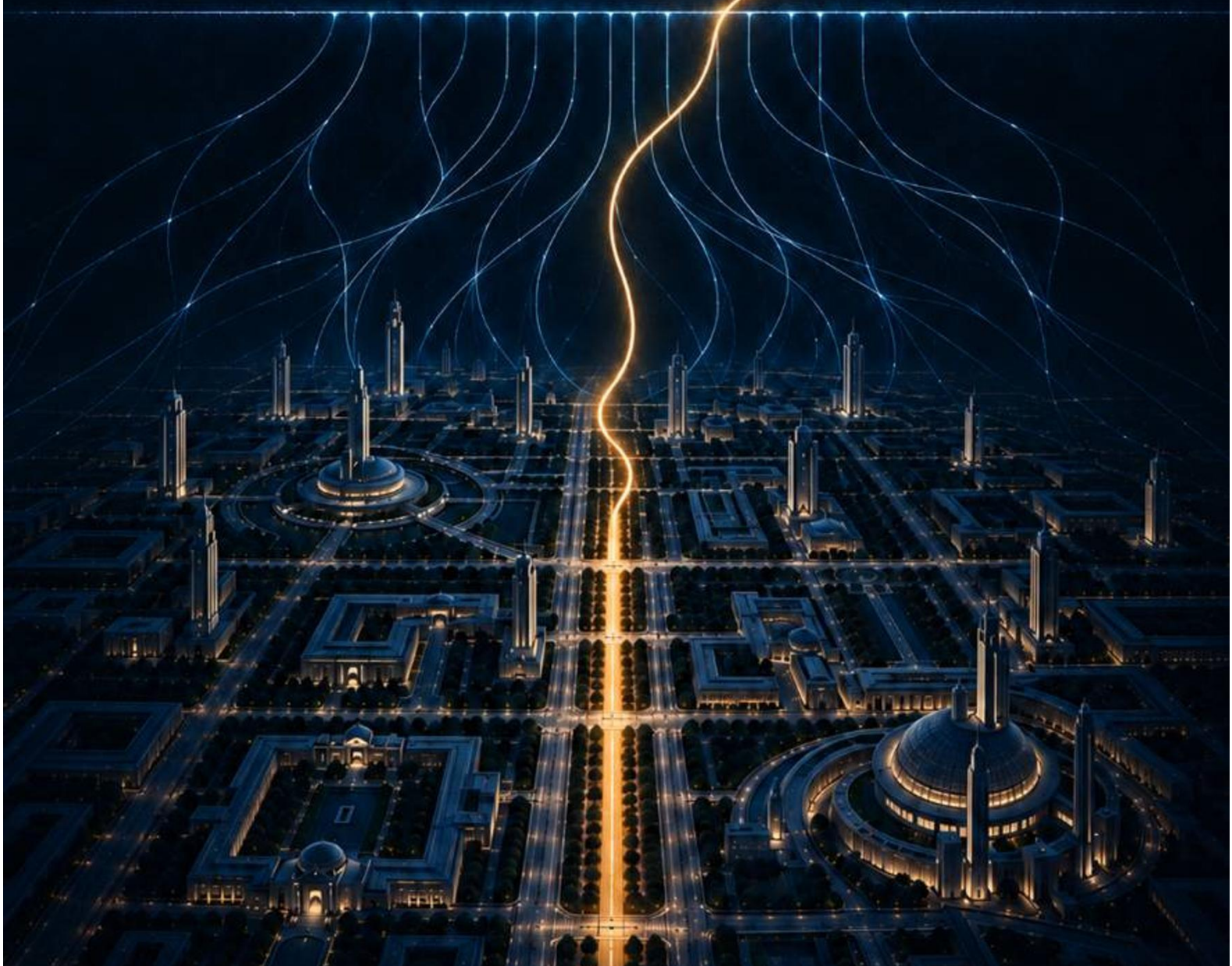
Алекс и Мэри Веридаль

ВОСЕМНАДЦАТОЕ БУДУЩЕЕ

Алекс и Мэри Веридаль

Восемнадцатое будущее

«Автор»
2026

Мэри Веридаль А.

Восемнадцатое будущее / А. Мэри Веридаль — «Автор», 2026

У будущего есть тайна. И, возможно, лучше её не знать. Человечество всегда мечтало договориться с завтрашним днём. Желательно на своих условиях: подробный план, никаких неожиданностей и гарантия благополучного исхода. Но другая сторона, похоже, договор не читала. И чувство юмора у неё весьма своеобразное. Что, если самые разумные решения однажды приведут в тупик? А единственный выход окажется там, куда здравомыслящий человек даже не подумает свернуть?Книга о том, что не поддаётся никаким прогнозам. Даже если кто-то очень умный уверяет, что всё давно просчитал.

© Мэри Веридаль А., 2026
© Автор, 2026

Восемнадцатое будущее

Алекс и Мэри Веридаль
ВОСЕМНАДЦАТОЕ БУДУЩЕЕ

Глава первая

Последняя писательница

Чашка разбилась в 8:41.

В 8:38 домашняя система предупредила Лидию Корнееву, что чашка разобьётся с вероятностью девяносто шесть процентов. Лидия посмотрела на экран, потом на чашку. Та стояла посреди стола, далеко от края. «Ну уж нет», подумала она. Взяла чашку и переставила на подоконник. В 8:41, открывая окно, она задела её локтем. Фарфоровые осколки разлетелись по полу.

– Девяносто шесть процентов, – с удовлетворением сообщил дом. – Вам заказать такую же?

– Закажи себе совесть.

– Уточните, пожалуйста, запрос.

– Ничего не надо.

– Рекомендую собрать осколки. Вероятность травмы при самостоятельной уборке составляет четырнадцать процентов. Могу вызвать уборочный модуль.

– Можешь помолчать?

– Конечно, Лидия. Режим тишины активирован.

Ей было шестьдесят восемь лет, и последние тридцать она воевала с техникой. Техника неизменно побеждала, причём делала это вежливо. Лидия опустилась на колени и принялась собирать осколки.

Чашка была старой. Белый фарфор, тонкая синяя полоска по краю. Такие выпускали ещё тогда, когда люди покупали вещи, не интересуясь расчётным сроком их службы. Согласно рекомендации домашней системы, пользоваться чашкой было нерационально. У ручки имелась микротрещина, глазурь потеряла часть защитных свойств, а теплопроводность фарфора уступала современным материалам.

Система предлагала заменить её сорок семь раз. Лидия отказывалась.

Теперь, конечно, система оказалась права. Это раздражало больше всего.

* * *

В 2147 году ошибаться стало неприлично.

Не преступно, не запрещено, а именно неприлично. Примерно так же, как когда-то считалось неприличным не вымыть руки перед едой.

Зачем ошибаться, если можно заранее узнать последствия? Перед каждым серьёзным решением человек получал прогноз.

Хотите сменить работу? Система рассчитывала доход, профессиональное развитие и вероятность эмоционального выгорания на двадцать пять лет вперёд. Планируете переехать? Оценивала климат, качество воздуха, социальное окружение, медицинские риски. Желаете завести ребёнка? Рассчитывала генетические вероятности, финансовую устойчивость семьи и условия для развития будущего человека.

Выйти замуж? Лидия помнила, как однажды прочитала отчёт, согласно которому совместимость двух молодых людей составляла восемьдесят семь процентов. Рекомендованная продолжительность отношений: не менее двадцати трёх лет. Она тогда долго смеялась. А потом подумала, что двадцать три года для счастливого брака, пожалуй, маловато.

Рекомендации не были обязательными. Человек имел полное право поступить по-своему. Но однажды он обнаруживал, что поезд, выбранный вопреки прогнозу, задержался. Работа, казавшаяся мечтой, закончилась увольнением. Не рекомендованное врачом лечение привело к осложнениям. И в каждом случае система могла спокойно сообщить: вероятность подобного исхода была известна.

Постепенно люди перестали спорить.

Не все сразу, конечно. Сначала перестали спорить хирурги, потому что точные прогнозы спасали жизни. Затем авиадиспетчеры, энергетики, экономисты. Позже муниципальные власти, производители продуктов, учителя. Наконец, обычные люди.

Это произошло незаметно. Никто не объявлял об окончании эпохи самостоятельных решений. Просто мир, в котором почти всё можно было рассчитать заранее, оказался гораздо удобнее прежнего.

Исчезли автомобильные пробки. Практически прекратились крупные эпидемии. Урожаи перестали зависеть от случайных погодных колебаний. Города научились распределять энергию без перебоев. Экономические кризисы удавалось обнаружить ещё до того, как появлялись первые признаки.

Лидия прекрасно понимала преимущества нового мира.

В прошлом году система предсказала у неё заболевание за восемнадцать месяцев до появления симптомов. Лечение заняло две недели. Если бы не прогноз, она, возможно, уже была бы мертва.

И всё-таки ей не нравилось, когда кто-то заранее знал, что случится с её чашкой.

* * *

После завтрака Лидия села за письменный стол. Стол был настоящим, деревянным. Его изготовили ещё для её деда, и возраст мебели теперь превосходил возраст хозяйки. Домашняя система неоднократно предлагала заменить стол эргономичной конструкцией с интеллектуальной поверхностью. Лидия отвечала, что дед был умнее всех этих поверхностей вместе взятых. Система не возражала.

На столе лежала стопка бумаги. Бумага стоила дорого. Её производили небольшими партиями для художников, коллекционеров и людей с устойчивыми архаическими привычками. Лидия относилась к последней категории.

Она взяла карандаш и написала:

«На сто сорок третьем году своего существования человечество обнаружило, что Вселенная пуста».

Зачеркнула.

Снова написала:

«Однажды утром люди обнаружили, что звёзды исчезли».

Это было немного лучше.

– Проверить научную состоятельность идеи? – спросил дом.

Лидия вздрогнула. Режим тишины, разумеется, закончился после завтрака. Она сама когда-то согласилась на такое расписание.

– Не надо.

– Исчезновение наблюдаемых звёзд в течение одной ночи невозможно в рамках известных физических законов. Однако существует несколько гипотетических сценариев, способных привести к сходному результату.

– Я сказала, не надо.

– Вы работаете над литературным произведением?

– Нет. Над заявлением в полицию. Меня преследует говорящий холодильник.

– У вас нет оснований для обращения в полицию. Все бытовые системы работают в соответствии с утверждёнными протоколами.

– Вот именно.

Лидия отложила карандаш.

Когда-то её называли писательницей-фантастом.

Не самым знаменитым, но вполне успешным. У неё вышло одиннадцать книг, три перевели на другие языки, одну экранизировали. Она даже получила литературную премию, бронзовая статуэтка которой теперь удерживала оконную раму от сквозняка.

Последний роман не купило ни одно издательство.

Не потому, что он был плохо написан.

Редактор прислал удивительно доброжелательный отказ:

«Уважаемая Лидия Сергеевна! Ваш роман обладает несомненными художественными достоинствами. К сожалению, предложенная вами концепция будущего уже исследована прогностическими системами. Вы можете ознакомиться с результатами моделирования по прилагаемой ссылке».

По ссылке находился отчёт на четыреста сорок страниц. Первые восемь объясняли, почему описанная технология не может быть реализована. Следующие триста описывали, как можно было бы её реализовать при определённых изменениях исходных условий. Оставшиеся страницы содержали прогнозы социального и экономического развития цивилизации в случае её появления.

Лидия не дочитала.

Ей хотелось написать историю о человеке, который впервые увидел чужое солнце. Вместо этого ей предложили ознакомиться с расчётом энергетических затрат на межзвёздный перелёт.

Через несколько лет последний литературный журнал научной фантастики закрылся.

Причина была проста: читатели перестали понимать, зачем читать о выдуманном будущем, если можно запросить у «Прометея» несколько тысяч гораздо более вероятных вариантов.

Исторические романы продолжали выпускать. Детективы тоже.

Любовные истории пользовались стабильным спросом.

А фантастика постепенно исчезла.

Её не запретили.

Не осудили.

Не объявили вредной.

Она просто оказалась ненужной.

Это было даже обиднее запрета.

Лидия часто думала, что последнему динозавру, должно быть, тоже никто не сообщил об окончании эпохи.

Он просто однажды остался один.

* * *

В 11:17 на стене появилась красная точка.

Лидия не сразу обратила на неё внимание.

Красная точка означала сообщение, требующее личного подтверждения. Обычно такими сообщениями сопровождались изменения медицинских протоколов или уведомления о государственных проверках.

– Озвучить? – спросил дом.

– Озвучивай.

– Лидия Сергеевна Корнеева. Вам поступило персональное приглашение от Центрального института прогнозирования цивилизационного развития.

Лидия подняла голову.

– От кого?

Дом повторил название. Она засмеялась.

Институт был одним из главных научных центров планеты. Именно там разрабатывались модели, которые использовал «Прометей». Там работали математики, специалисты по сложным системам, нейрофизиологи, физики, экономисты и десятки других людей, способных объяснить всё на свете.

Зачем им понадобилась писательница, чья последняя публикация вышла девятнадцать лет назад?

– Наверное, ошиблись адресом.

– Адрес подтверждён. Приглашение направлено лично вам.

– Что им нужно?

– Эта информация не указана.

Лидия выпрямилась.

За годы общения с домашними системами она привыкла к тому, что машина может ответить практически на любой вопрос.

«Не указана» было непривычно.

– Покажи письмо.

На стене появились несколько строк.

Уважаемая Лидия Сергеевна!

Центральный институт прогнозирования цивилизационного развития приглашает вас принять участие в закрытом научном совещании.

Тема совещания: пределы прогностического моделирования.

Ваше присутствие крайне желательно.

Транспорт будет предоставлен.

Встреча состоится сегодня в 14:00.

Ниже стояла цифровая подпись директора института.

Лидия перечитала письмо.

Потом ещё раз.

– «Крайне желательно», – произнесла она. – Это что, теперь так приказывают?

– Формулировка не содержит приказа. Вы вправе отказаться.

– А ты что рекомендуешь?

Дом помолчал. Всего секунду, но Лидия заметила.

– Доступных данных недостаточно для оценки целесообразности вашего участия.

Она медленно положила карандаш на стол.

– Повтори.

– Доступных данных недостаточно.

– Ты не знаешь, стоит ли мне ехать?

– Верно.

– А «Прометей» знает?

– Запрос к центральной системе не требуется. Решение остаётся за вами.

Лидии захотелось узнать подробности. Она уже прикидывала, какие вопросы задаст на встрече.

Она всегда любила истории, которые начинались с маленькой нестыковки. Незнакомец произносит чужое имя. В закрытой комнате оказывается мокрый зонтик. Человек получает письмо, отправленное после смерти адресата.

Или всемирная система прогнозирования присылает приглашение, последствия которого не может объяснить.

– Принять, – сказала Лидия.

На стене появилось подтверждение.

Через секунду пришло ещё одно сообщение.

Просьба не публиковать информацию о совещании до получения специального разрешения.

Лидия усмехнулась.

– Ну вот. Уже интереснее.

* * *

Дорога до института занимала двадцать шесть минут.

Транспорт прибыл ровно в 13:18. Небольшой беспилотный автомобиль остановился перед её домом, открыл дверь и пожелал приятной поездки.

Лидия устроилась у окна. Она редко выбиралась за пределы своего района. Всё необходимое доставлялось домой, а встречи с людьми давно переместились в виртуальное пространство.

Город изменился.

Исчезли рекламные щиты. Зачем рекламировать товар человеку, если система знает, что и когда он собирается купить? Магазины превратились в пункты выдачи индивидуальных заказов. На улицах почти не было случайных толп. Пешеходные маршруты распределялись так, чтобы люди не создавали друг другу неудобств.

Воздух был чистым. Деревья росли там, где имелась наибольшая вероятность благополучно пережить следующие сто лет. Даже осенние листья убирали до того, как они успевали превратиться в скользкую кашу под ногами.

Лидия смотрела на аккуратные улицы и пыталась вспомнить прежнюю Москву. С пробками. С обшарпанными фасадами. С людьми, бегущими под дождём за автобусом. С водителями, ругающимися на перекрёстках. С непрогнозируемыми опозданиями и встречами, которые случались совершенно случайно.

Она не испытывала особой ностальгии по пробкам.

Но иногда ей недоставало случайностей.

На перекрёстке автомобиль неожиданно замедлился.

Лидия увидела маленького мальчика, который стоял рядом с матерью и держал в руках бумажный самолётик. Настоящий, сложенный из листа. Мальчик бросил его. Самолётик поднялся в воздух, повернул, задел ветку и упал на пешеходную дорожку. Мать что-то сказала ребёнку. Тот засмеялся, поднял самолётик и бросил снова. Во второй раз самолётик пролетел гораздо дальше.

Автомобиль плавно тронулся.

– Причина задержки? – спросила Лидия.

– Незапланированная траектория лёгкого предмета в пешеходной зоне. Движение временно скорректировано из соображений безопасности.

Лидия улыбнулась.

Она почему-то вспомнила дочь.

* * *

Марине было семь лет, когда она впервые спросила мать, почему нельзя построить корабль, который летит быстрее света. Лидия тогда работала над романом об экспедиции к далёкой звезде.

– Потому что наши физические законы этого не позволяют.

– А если придумать другие?

– Нельзя просто взять и придумать другие законы природы.

– А кто придумал эти?

Лидия рассмеялась. И потом много лет рассказывала этот разговор на встречах с читателями.

«Вот для чего нужна фантастика, – говорила она. – Чтобы ребёнок однажды спросил, почему нельзя придумать другие законы».

Сама Марина выросла и стала физиком.

Позже занялась математическим моделированием, получила две научные степени и переехала работать в Центральный институт.

Последние восемь лет они почти не общались.

Лидия не любила вспоминать их последнюю большую ссору. Но помнила почти каждое слово.

– Ты не понимаешь, мама. Мы можем избавить людей от ошибок, которые раньше стоили миллионов жизней.

– От всех?

– Не от всех. Но от большинства.

– И что будет с людьми, которые разучатся ошибаться?

– Они будут жить.

Этот ответ Лидия тогда сочла жестоким. Со временем поняла, что он был ещё и справедливым.

Марина действительно верила в свою работу. И имела для этого основания.

За время существования «Прометея» смертность от множества предотвратимых причин сократилась до исторического минимума. Сложные природные катастрофы стали обнаруживать заранее. Системы здравоохранения перестали опаздывать с реакцией на эпидемии. Лидии было трудно спорить с цифрами.

А Марине было трудно объяснить, зачем человечеству книги о вещах, которые никогда не произойдут.

Постепенно разговоры становились короче. Потом исчезли.

На дни рождения Марина присылала цветы. Цветы каждый раз были одинаковыми. Белые лилии. Их сорт, срок срезки и режим хранения подбирались системой так, чтобы букет оставался свежим максимально долго.

Лидия однажды попросила прислать обычные ромашки. Марина ответила, что они плохо переносят транспортировку. Больше Лидия ничего не просила.

Автомобиль подъехал к стеклянному зданию, окружённому невысокими деревьями.

– Вы прибыли, – сообщил голос.

Лидия посмотрела на фасад.

Центральный институт прогнозирования цивилизационного развития.

Значит, здесь работает Марина.

Конечно, совпадение было маловероятным. С другой стороны, в последнее время совпадений вообще почти не осталось.

* * *

В холле Лидию встретил молодой человек в тёмном костюме. Он представился Артёмом Серовым, помощником директора.

На вид ему было около тридцати. Лидия машинально отметила, что галстук у него завязан чуть криво. Это было неожиданно приятно.

– Очень рад, что вы согласились приехать, Лидия Сергеевна.

– А я ещё не решила, рада ли.

Артём улыбнулся.

– Надеюсь, мы сможем объяснить необходимость встречи.

– Неужели ваш «Прометей» наконец научился писать плохие романы и вам понадобился консультант?

– Не совсем.

– Хорошие?

Улыбка исчезла.

– Боюсь, дело значительно серьёзнее.

Он провёл её через систему идентификации. Лидия обратила внимание, что проверка была необычно тщательной. Сканировали биометрические параметры, сверяли медицинские данные и даже задавали вопросы о событиях её детства.

– Вы проверяете, настоящая ли я?

– Мы должны исключить ошибки идентификации.

– «Прометей» ошибается?

Артём посмотрел на неё.

– Это один из вопросов, которые мы хотим обсудить.

Они вошли в лифт.

На панели не было кнопок. Лифт сам выбрал этаж.

– А вы вообще что-нибудь выбираете самостоятельно? – спросила Лидия.

– Конечно.

– Например?

Артём задумался.

– Вчера я изменил маршрут вечерней прогулки.

– И как?

– Рекомендованный оказался удобнее.

Лидия отвернулась, чтобы он не заметил её улыбки.

На сорок втором этаже лифт остановился.

За дверями находился небольшой коридор, заканчивающийся залом с матовыми стеклянными стенами. У входа стояли двое сотрудников службы безопасности.

Один из них сверил данные Лидии с изображением на экране. Второй неожиданно попросил оставить сумку.

– А карандаш можно?

– Простите?

– У меня в сумке карандаш. Обычный. Деревянный. Грифель внутри. Никаких передающих устройств.

Охранник посмотрел на Артёма. Тот кивнул.

– Карандаш можно.

– Благодарю. Без него я плохо думаю.

* * *

В зале находились семь человек.

Пять мужчин и две женщины, не считая Лидии. Они сидели вокруг овального стола, над которым висела прозрачная проекционная поверхность.

Все разговоры прекратились, когда она вошла.

Лидия узнала директора института. Виктор Андреевич Лебедев. Его лицо часто показывали в новостях. Он рассказывал о достижениях «Прометея», объяснял результаты крупных прогнозов, комментировал научные открытия.

Сейчас директор выглядел значительно старше, чем на экране. Под глазами залегли тени. На столе стояла чашка кофе, к которому он, судя по всему, не притронулся.

– Лидия Сергеевна, благодарю вас за приезд.

– Надеюсь, не напрасный.

– Уверяю вас, нет.

Она оглядела собравшихся.

И увидела Марину.

Дочь сидела у дальней стены перед большим терминалом.

За восемь лет она изменилась. Стала худее. На висках появилась седина. Лицо приобрело то сосредоточенное выражение, какое Лидия хорошо помнила с детства: так Марина смотрела на задачу, решение которой никак не давалось.

Они встретились глазами.

– Здравствуй, мама.

– Здравствуй, Марина.

Никто из присутствующих не произнёс ни слова.

Лидия вдруг почувствовала себя неловко.

Она готовилась к научному совещанию, но не к встрече с дочерью.

– Ты знала, что меня пригласили?

– Да.

– И не предупредила?

– Я не была уверена, что ты приедешь.

Лидия хотела ответить резко, но передумала.

В конце концов, Марина имела основания сомневаться.

Директор предложил ей сесть.

– Прежде всего, Лидия Сергеевна, я должен попросить вас соблюдать конфиденциальность. Всё, что вы сегодня узнаете, пока не подлежит разглашению.

– Я подписала соответствующий документ при входе.

– Да, разумеется.

Он помолчал.

– Знаете ли вы, сколько возможных сценариев развития человечества анализирует «Прометей»?

Лидия пожала плечами.

– Миллионы, наверное.

– Когда система только начала работать, счёт шёл на триллионы вероятностных ветвей. Мы не хранили каждую ветвь отдельно, разумеется. Использовали группировку, укрупнённые модели, многоуровневое прогнозирование.

– Я писательница, Виктор Андреевич. Можно немного проще?

Директор неожиданно улыбнулся.

– Конечно. Представьте, что вы решаете, как закончить роман.

– Представила.

– У вас есть множество возможных концовок. Но не все они одинаково правдоподобны. Некоторые противоречат уже произошедшим событиям. Другие требуют, чтобы герои вдруг начали вести себя совершенно иначе.

– Это называется плохая литература.

– Возможно. Но вы постепенно исключаете неправдоподобные варианты и оставляете те, которые соответствуют логике вашего мира.

Лидия кивнула.

– Примерно так.

– «Прометей» делает нечто похожее. Только вместо вымышленных персонажей у него миллиарды реальных людей, вместо литературного сюжета история цивилизации, а вместо авторского воображения огромный массив научных моделей.

– И сколько концовок у вашего романа?

Директор посмотрел на Марину.

Та коснулась терминала.

Над столом возникло объёмное изображение. Сначала Лидия увидела множество тонких линий, расходящихся от одной точки. Потом изображение приблизилось. Тысячи линий сливались в сотни. Сотни в десятки.

Наконец на проекции осталось семнадцать светящихся ветвей.

– На сегодняшний день, – сказал директор, – система выделяет семнадцать устойчивых классов возможного развития человеческой цивилизации на ближайшие сто пятьдесят лет.

– Всего семнадцать?

– При действующих предположениях модели. Это не означает, что других событий физически не может произойти. Речь о сценариях, которые система считает достаточно обоснованными для стратегического планирования.

– А остальные?

– Остальные либо противоречат установленным ограничениям, либо имеют столь малую расчётную вероятность, что не включаются в рабочий прогноз.

– И вы пригласили меня, чтобы я придумала восемнадцатый?

Она произнесла это шутливо.

Никто не улыбнулся.

Марина опустила глаза.

Лидия заметила это.

– Что происходит?

Директор медленно провёл ладонью по лицу.

– Три недели назад мы начали очередной цикл долгосрочного прогнозирования. Обычную процедуру, которую проводим раз в квартал. Но получили результат, который первоначально сочли вычислительной ошибкой.

– Какого рода?

– Все семнадцать сценариев имели одну общую характеристику.

Он замолчал. Лидия подождала.

– И какую же?

Директор повернулся к проекции.

Семнадцать светящихся линий стали красными.

– Каждый сценарий заканчивается прекращением существования человеческой цивилизации.

В зале было тихо.

– Вы хотите сказать, что во всех ваших вариантах происходит какая-то катастрофа?

– Разные катастрофы. Некоторые стремительные. Другие растянуты на десятилетия. Причины тоже различаются. Но итог одинаков.

– И когда?

– Самый ранний критический переход ожидается через одиннадцать месяцев.

– А самый поздний?

– Через сто тридцать восемь лет.

Лидия не сразу нашла, о чём спросить.

Потом спросила:

– И насколько вы уверены?

Директор взглянул на Марину.

Та впервые за всё время встречи заговорила не как дочь, а как учёный.

– Мы провели независимые проверки, меняли начальные параметры, использовали резервные вычислительные комплексы. Численные оценки различались, но общий результат сохранялся.

– Значит, это всё-таки не точное предсказание?

– Нет, мама. Не точное. И именно поэтому мы здесь.

Лидия перевела взгляд с дочери на директора.

– Тогда я не понимаю. У вас лучшие учёные мира. Компьютер, который предсказывает всё, вплоть до того, когда я разобью чашку. Почему вы рассказываете об этом мне?

Директор открыл рот, но ничего не сказал.

За его спиной погасла проекция.

Вместо неё на поверхности стола появилось короткое сообщение.

Лидия успела прочитать его раньше остальных.

ПРОГНОСТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА «ПРОМЕТЕЙ».

Подготовительный этап завершён.

Участник Корнеева Л. С. прибыла.

Ожидается начало работы.

Директор побледнел.

Марина резко выпрямилась.

– Этого сообщения не должно быть, – произнесла она.

Лидия посмотрела на дочь.

– Почему?

Марина не ответила. Она лихорадочно работала с терминалом, затем повернулась к директору.

– Виктор Андреевич, система самостоятельно изменила статус совещания. У нас нет доступа к протоколу.

– Какому протоколу?

Марина замерла.

– Он называется «Литературный эксперимент».

Лидия медленно откинулась на спинку кресла.

В последний раз её профессиональные навыки кому-то требовались почти двадцать лет назад. И вот теперь самая совершенная машина в истории человечества, способная просчитывать судьбы целых цивилизаций, решила провести литературный эксперимент.

Она ещё не знала, радоваться этому или пугаться.

На столе появилось второе сообщение.

Лидия Сергеевна.

Мне нужна ваша помощь.

Прометей.

Глава вторая

Семнадцать способов умереть

Последняя строка на экране не исчезала.

«Лидия Сергеевна. Мне нужна ваша помощь».

Лидия перечитала её ещё раз. За свою жизнь она получила немало странных писем. Одно издательство предлагало ей написать любовный роман о разумных осьминогах. Другое просило переработать историю гибели человечества в оптимистическую семейную сагу.

Но чтобы о помощи попросила самая совершенная прогностическая система планеты, такого ещё не случалось. Она оглядела присутствующих.

Директор института Виктор Андреевич Лебедев сидел совершенно неподвижно. На лице Марины появилось выражение, которое Лидия хорошо помнила с её детства. Так дочь смотрела на разобранный прибор, если обнаруживала внутри деталь, которой там быть не должно.

– И давно он у вас разговаривает с писателями? – спросила Лидия.

– Впервые, – ответил директор.

– Хорошо. Значит, литературный вкус ещё не окончательно испортился.

Никто не улыбнулся. Лидия обратилась к дочери:

– Что происходит?

Дочь не ответила. Вместо этого она подошла к столу и коснулась проекционной панели. Стены зала потемнели. Над столом возникла Земля. Голубая, спокойная, удивительно красивая. Потом вокруг неё появились семнадцать красных линий. Они уходили далеко за пределы изображения, расходились, пересекались, образовывали сложные узлы.

И все заканчивались одинаково.

Чёрной точкой.

* * *

– Перед вами результаты последнего цикла долгосрочного прогнозирования, – сказал Виктор Андреевич.

Говорил он ровно, как человек, привыкший сообщать неприятные новости, не позволяя голосу выдавать собственное отношение.

– Семнадцать устойчивых классов сценариев развития цивилизации. Во всех прогнозируется необратимый системный кризис.

– Что значит «необратимый»?

– Потеря способности современной цивилизации поддерживать собственную инфраструктуру, численность населения и научно-техническое развитие.

– Вымирание?

– В некоторых сценариях. В остальных распад цивилизации в её нынешнем виде.

Лидия снова посмотрела на Землю. За окном института продолжалась обычная жизнь. По дороге скользили пассажирские капсулы. На противоположной стороне улицы человек выгуливал небольшую собаку, которая категорически не желала идти в указанном направлении. Лидия неожиданно позавидовала собаке.

Та хотя бы знала, чего не хочет.

– И когда? – спросила она.

Марина увеличила изображение. Рядом с линиями возникли временные шкалы. На одной светилась отметка: одиннадцать месяцев. На другой: сто тридцать восемь лет. Между ними располагались остальные.

– Это сроки возможных критических переходов, – пояснила Марина. – Не даты гибели человечества. Самый ранний сценарий может перейти в необратимую фазу уже через одиннадцать месяцев.

Лидия молчала.

Одиннадцать месяцев.

За это время можно закончить роман. Вырастить рассаду. Отметить Новый год.

Или не успеть ничего.

* * *

Первым показали энергетический сценарий. Марина сделала движение рукой, и изображение Земли сменилось картой Северного полушария. Сначала всё выглядело почти скучно. Несколько жёлтых точек. Потом красная полоса. На востоке одного из материков возникла авария крупного энергетического узла.

Резервные сети приняли нагрузку. В соседних регионах автоматически изменилось распределение мощностей. Система стабилизировалась. На экране появилась зелёная отметка.

Угроза устранена.

– Ну вот, – сказала Лидия. – Справились.

Никто не ответил.

Проекция ускорилась. Через несколько месяцев произошёл второй сбой. На этот раз в другом регионе. Его причины не имели прямого отношения к первой аварии.

Но резервные возможности уже оказались частично перераспределены. Производители оборудования работали с минимальными запасами. Транспортные цепочки были рассчитаны на почти идеальную согласованность поставок. Модель показывала, как система снова находила оптимальное решение.

А затем ещё одно. И ещё. Каждое позволяло избежать ближайшей опасности. Каждое сокращало количество доступных вариантов при следующем сбое. Лидия смотрела, как на

карте один за другим изменяют цвет промышленные районы. Потом появились задержки в поставках медицинского оборудования.

Сбои в производстве лекарств. Ограничения на транспортировку продуктов. Нарушения работы систем водоснабжения. Сначала на несколько часов. Затем на дни. На экране не было взрывов и гигантских волн. Никто не показывал падающие космические корабли. Города продолжали стоять.

Просто всё больше необходимых вещей переставало поступать вовремя. Лидия подумала о собственной квартире. О том, как привыкла открывать кран и получать воду. Как никогда не проверяла, откуда поступают продукты. Как давно перестала держать дома запас лекарств на случай перебоев.

И не она одна. На карте возникла Москва. Красный цвет медленно распространялся по городской инфраструктуре.

– А больницы? – спросила Лидия.

Марина остановила изображение.

– Критические службы имеют независимые резервы.

– Надолго?

– По-разному.

– А потом?

Марина не ответила сразу. Лидия увидела, как дочь сжала пальцы.

И больше не попросила показывать подробности.

* * *

Остальные сценарии мелькали быстрее.

В одном человечество сталкивалось с последствиями слишком успешной борьбы с генетическими заболеваниями. Массовое использование сходных решений постепенно сокращало разнообразие важных биологических признаков. При изменении внешних условий это делало население уязвимым перед угрозой, которую раньше было бы легче пережить.

В другом критическую роль играла сложность систем управления. Они становились настолько взаимозависимыми, что даже специалисты отдельных отраслей уже не могли самостоятельно оценить последствия локального вмешательства.

В третьем главную опасность представляло сочетание климатических изменений и постепенного исчезновения резервных способов производства продовольствия. Где-то ключевым фактором становилось распределение ресурсов. Где-то потеря навыков самостоятельного реагирования.

Причины различались. Но почти в каждом сценарии повторялась одна особенность. Катастрофа не начиналась с очевидной глупости. Наоборот. Перед ней человечество десятилетиями принимало разумные, проверенные и статистически обоснованные решения. Предотвращало опасности.

Устраняло лишние расходы. Повышало эффективность. Сокращало потери. И в какой-то момент обнаруживало, что больше не имеет достаточного запаса вариантов. Лидии показалось, будто она смотрит на очень длинную цепочку домино. Только каждая костяшка была аккуратно установлена на место по рекомендации лучшего специалиста.

* * *

– Подождите, – сказала она, когда изображение исчезло.

В зале снова стало светло. Ей потребовалось несколько секунд, чтобы привыкнуть к обычным стенам.

– Если я правильно поняла, проблема не в том, что «Прометей» плохо рассчитывает последствия?

– Во многих областях точность прогнозов чрезвычайно высока, – ответил директор.

– А в том, что он слишком хорошо решает каждую очередную задачу?

Марина подняла голову.

– Это одно из возможных объяснений. Но не единственное.

Лидия перебила:

– То есть мы настолько успешно научились избегать неприятностей, что разучились переживать те, которых не предусмотрели?

– Мама, это упрощение.

– Разумеется. Я же писательница. Мне платили за то, чтобы люди понимали написанное.

Марина хотела возразить, но передумала. Виктор Андреевич осторожно сложил руки.

– Дело не только в «Прометее». Общество само постепенно передавало системе всё больше решений.

Он произнёс это так, словно оправдывал не машину, а человечество. Лидия подумала, что подобное оправдание вполне заслуженно. Трудно обвинять людей за то, что они предпочитали менее опасное будущее более опасному. Когда система могла предупредить аварию, её слушали.

Когда помогала врачам, ей доверяли. Когда предотвращала экономические кризисы, её рекомендации становились обязательными. И постепенно почти никто не задавался вопросом, что произойдёт, если однажды потребуется решение, которого система не умеет предлагать.

– Но ведь вы можете её переобучить? – спросила Лидия.

Марина отрицательно покачала головой.

– Мы постоянно обновляем модели. Проблема глубже.

Она подошла к проекции, где всё ещё оставались семнадцать красных линий.

– Любую новую стратегию приходится оценивать. Мы проверяем её осуществимость, устойчивость, риски. Если она приводит к известной катастрофе, исключаем. Если оказывается статистически неустойчивой, не можем рекомендовать её как надёжный путь развития.

– И в итоге?

– В итоге все сценарии, которые система способна достаточно уверенно обосновать на длительном горизонте, оказываются катастрофическими.

Теперь Лидия понимала напряжение дочери. Мир ещё существовал. Система ещё работала. Каждый день находились решения тысяч задач.

Но у людей, отвечавших за будущее, постепенно закончились хорошие ответы.

* * *

Виктор Андреевич объявил перерыв. Обычно такие объявления означают, что участникам нужно выпить кофе и отдохнуть. Лидия подозревала, что на этот раз присутствующим просто требовалось несколько минут, чтобы перестать смотреть друг на друга с выражением людей, случайно присутствовавших при оглашении собственного завещания.

Она вышла в коридор. Стеклянная стена открывала вид на небольшой внутренний сад. В саду росли низкие деревья, между ними проходили дорожки. Посреди газона стояла скульптура в виде переплетённых металлических колец. Лидия посмотрела на неё. Интересно, была ли она признана полезной?

Или её всё-таки установили потому, что кому-то понравилось, как кольца отбрасывают тени?

– Мама.

Марина подошла почти бесшумно. В руках у неё было два стакана кофе. Один она протянула Лидии. Та взяла.

– Спасибо.

Некоторое время они молчали. За стеклом садовый робот аккуратно собирал опавшие листья.

– Ты давно об этом знаешь? – спросила Лидия.

– О результатах последнего цикла? Несколько недель.

– И ничего мне не сказала.

– Информация была закрытой.

– Конечно.

Лидия сделала глоток. Кофе оказался слишком горячим. Она поставила стакан на подоконник. И вдруг испугалась, что он сейчас упадёт. Вспомнилась разбитая чашка. Тонкая синяя полоска. Девяносто шесть процентов вероятности. Она машинально передвинула стакан подальше от края.

Марина заметила. Но промолчала.

– Ты могла хотя бы позвонить, – сказала Лидия.

– Просто позвонить?

– Да.

– И о чём бы мы говорили?

Вопрос прозвучал без злости. От этого стало неприятнее. Лидия посмотрела на дочь. Восемь лет они разговаривали короткими сообщениями. Поздравляли друг друга с праздниками. Иногда обменивались новостями. Однажды Марина прислала фотографию из научной экспедиции.

Лидия ответила, что дочь выглядит усталой и ей следует больше отдыхать. На этом разговор закончился. Теперь они стояли рядом, но между ними по-прежнему оставалось что-то гораздо более существенное, чем несколько шагов.

– Не знаю, – призналась Лидия. – Наверное, нашли бы тему.

Марина улыбнулась. Невесело.

– Как сегодня?

Лидия хотела ответить шуткой. Не нашла подходящей.

– Мариша, – сказала она, – я понимаю, что у тебя сложная работа. Но если ты действительно знала, что существует такая угроза…

– Я не знала, что будет именно так. Мы проверяли модели. Думали, обнаружим ошибку. Или новый набор параметров. Или хотя бы один устойчивый вариант.

– А теперь?

Марина посмотрела в сад.

– Теперь я не уверена, что понимаю, что именно нужно искать.

Лидия повернулась к ней. В детстве Марина не любила признаваться, что чего-то не знает. Если задача не решалась, могла просидеть над ней до утра. Если прибор не работал, разбирала его снова и снова. Однажды неделю пыталась выяснить, почему игрушечный корабль отклоняется от курса.

Причиной оказался магнит в ножке стола. Лидия до сих пор помнила счастливое лицо дочери в тот момент, когда та наконец обнаружила проблему. Сейчас Марина выглядела человеком, который уже проверил весь стол. И всё равно не нашёл магнита.

– Ты боишься, – тихо сказала Лидия.

Марина долго молчала. Потом кивнула. Лидия протянула руку и осторожно коснулась её плеча. Дочь не отстранилась. И они ещё некоторое время стояли у стеклянной стены.

Им больше не приходилось придумывать, о чём поговорить.

* * *

Когда заседание возобновилось, семнадцать линий оставались на месте. Но теперь рядом появилась небольшая пустая область. Без номера. Без временной шкалы. Без конечной точки. Лидия заметила её сразу.

– А это что?

Виктор Андреевич посмотрел на изображение.

– Область, для которой у нас нет достаточно устойчивой долгосрочной оценки.

– Значит, восемнадцатый вариант?

– Нет, – ответила Марина. – Пока это даже не сценарий. Мы не знаем, соответствует ли ему осуществимый путь развития.

Лидия разглядывала пустое место. Оно нравилось ей значительно больше красных линий. По крайней мере, там не было чёрной точки.

– И какое отношение ко всему этому имею я?

Виктор Андреевич перевёл взгляд на центральный экран.

– Этот вопрос мы тоже хотели бы задать.

На экране возникла новая строка.

Лидия Сергеевна Корнеева обладает опытом создания художественных моделей будущего, не ограниченных требованиями прогностической воспроизводимости.

Лидия перечитала сообщение.

– Как изящно сформулировано. Обычно мне говорили проще: «У вас слишком богатое воображение».

Следующая строка появилась почти сразу.

Именно это качество представляет интерес.

Директор выпрямился.

– «Прометей», поясни свою задачу.

Ответ пришёл не сразу.

Необходимо исследовать возможность возникновения принципиально новых вариантов человеческого поведения и целеполагания, не представленных в действующем наборе долгосрочных моделей.

Лидия нахмурилась.

– Человеческим языком можно?

Вмешалась Марина:

– Мы хотим понять, могут ли люди начать жить иначе, чем предполагают существующие модели.

– Люди постоянно начинают жить иначе.

– В известных пределах. Но большинство изменений тоже можно прогнозировать. Новые технологии, привычки, формы организации общества.

– И вам нужно что-то, чего вы ещё не придумали?

– Примерно.

– То есть вы приглашаете фантаста, потому что фантастика не обязана доказывать, что всё написанное сбудется.

Да.

– И что конкретно я должна сделать?

Написать произведение, описывающее осуществимое будущее, которое существенно отличается от представленных сценариев.

Лидия невольно рассмеялась.

– Замечательно. Всю жизнь мне объясняли, что научная фантастика не нужна, потому что будущее теперь можно рассчитать. А когда расчёты закончились плохо, решили позвать писателя.

Виктор Андреевич слегка смутился.

– Я бы не стал так формулировать.

– Зря. Получается прекрасная аннотация.

* * *

Но шутка не помогла.

Лидия снова посмотрела на чёрные точки. Ей вдруг стало ясно, что институт предлагает вовсе не литературный заказ. Никто не нуждался в новом романе. Им требовалась идея, кото-

рая заставит систему рассматривать будущее иначе. А это было гораздо страшнее. Потому что она понятия не имела, существует ли такая идея.

– Вы понимаете, что я могу ничего не придумать? – спросила она.

– Да, – ответила Марина.

– Могу написать полную ерунду.

– Да.

– Могу создать историю, которая будет совершенно невозможна с точки зрения физики.

– Это мы тоже допускаем, – осторожно сказал директор.

Лидия подалась вперёд.

– У вас очень интересное представление о литературном творчестве.

Потом повернулась к экрану.

– «Прометей», а ты сам почему не можешь написать такой рассказ?

Я могу создавать художественные произведения.

– Тогда в чём проблема?

Произведения, создаваемые мной, преимущественно опираются на существующие представления о возможных состояниях мира, целях и мотивации людей.

– А мои произведения не опираются?

Опираются. Но способы их комбинирования, нарушения ожидаемых связей и переосмысления целей отличаются от моих стандартных процедур прогностического моделирования.

– То есть тебе нужен человек, который не обязан сразу объяснять, почему его выдумка должна работать?

Это одна из причин.

– И ты надеешься, что среди моих глупостей случайно окажется что-нибудь полезное?

Не обязательно случайно.

Она нахмурилась.

– А как же?

Художественное воображение позволяет рассматривать цели и обстоятельства, которые ещё не сформировались в действительности. Такие конструкции могут использоваться как гипотезы.

– Он всегда разговаривает так, словно защищает диссертацию?

– Обычно ещё сложнее.

– Бедные вы люди.

Марина рассмеялась.

* * *

Обсуждение быстро превратилось в спор о том, что вообще считать возможным. Один из сотрудников института заметил, что писатель может предложить любое невероятное устройство общества. Но если его невозможно реализовать, подобная идея не имеет практической ценности.

Лидия поинтересовалась, кто будет определять реализуемость. Выяснилось, что «Прометей».

– Тогда мы снова пришли туда, откуда начали, – сказала она.

Виктор Андреевич предложил другой порядок. Писательница создаёт текст без ограничений, а система оценивает не его художественную ценность, а научные предположения, которые можно извлечь из произведения.

Марина уточнила, что отсутствие готового физического или социального механизма не обязательно делает идею бесполезной. Иногда важно обнаружить вопрос, который раньше никто не задавал. Лидия слушала их и чувствовала, как внутри постепенно возвращается забытый профессиональный азарт.

За последние годы она много раз пыталась начать новый роман. Но каждый раз останавливалась. Стоило ей придумать необычную технологию, как домашняя система находила десятки исследований, доказывавших, что такая идея давно рассмотрена.

Стоило создать непривычное общество, как появлялся список экономических и психологических противоречий. В конце концов Лидия почти перестала писать. Теперь та же система предлагала ей вернуться к занятию, которое сама сделала ненужным. Ситуация обладала несомненным литературным достоинством.

И была крайне подозрительной.

– Хорошо, – сказала Лидия. – Допустим, я соглашусь. Что дальше?

На экране появился документ.

Первый этап эксперимента.

Продолжительность: двадцать один день.

Задача: создание художественных моделей будущего с последующим анализом возникающих гипотез.

Лидия не стала читать дальше.

– Нет.

Виктор Андреевич удивился.

– Что именно вас не устраивает?

– Почти всё.

Она взяла предложенный документ и начала загибать пальцы.

– Во-первых, никто не будет исправлять мой текст без разрешения. Во-вторых, я не хочу получать подсказки о том, что следует написать. В-третьих, если вы решите, что какой-нибудь персонаж ведёт себя недостаточно рационально, оставьте это мнение при себе.

– Мы можем согласовать условия, – сказал директор.

– Я ещё не закончила.

Она постучала карандашом по столу, прерывая обсуждение.

– «Прометей», ты не будешь дописывать за меня предложения.

Это возможно.

– Не будешь предлагать более удачные сюжетные повороты.

Принято.

– И не будешь следить за тем, как я пишу.

Необходимо уточнить объём наблюдения.

Лидия вздохнула.

– Никаких камер, записи черновиков, анализа движения карандаша и прочих ваших научных развлечений. Я сама решу, что тебе показывать.

Это ограничит доступную информацию.

– Именно.

На экране появилась строка:

Условие может быть принято для первого этапа.

– И последнее. Ты не будешь специально вмешиваться в мою жизнь, чтобы подсказать сюжет. Не станешь устраивать необычные встречи, менять маршруты или подсовывать мне интересных людей.

– Ты действительно думаешь, что он может так поступить?

– Я пишу фантастику, Мариша. Это профессиональная осторожность.

На экране возник ответ:

Условие принято в пределах согласованного протокола.

Лидия нахмурилась. Формулировка ей не понравилась.

– И если я передумаю?

Вы вправе прекратить участие.

– В любой момент?

Да.

– Без объяснения причин?

Да.

Она повернулась к Виктору Андреевичу.

– Пусть это будет написано обычными словами. Не мелким шрифтом на сорок седьмой странице.

Директор кивнул.

– Разумеется.

Лидия отложила документ.

– Тогда я попробую.

Марина выдохнула. Только сейчас Лидия заметила, что дочь всё это время ждала её ответа, почти не двигаясь.

* * *

Заседание закончилось. Сотрудники института начали расходиться. Кто-то уже обсуждал возможные методы анализа литературных текстов. Доктор Ким, до этого несколько раз едва не уснувший, неожиданно оживился и заговорил о проверке новых гипотез. Виктор Андреевич попросил Артёма Серова подготовить необходимые документы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.